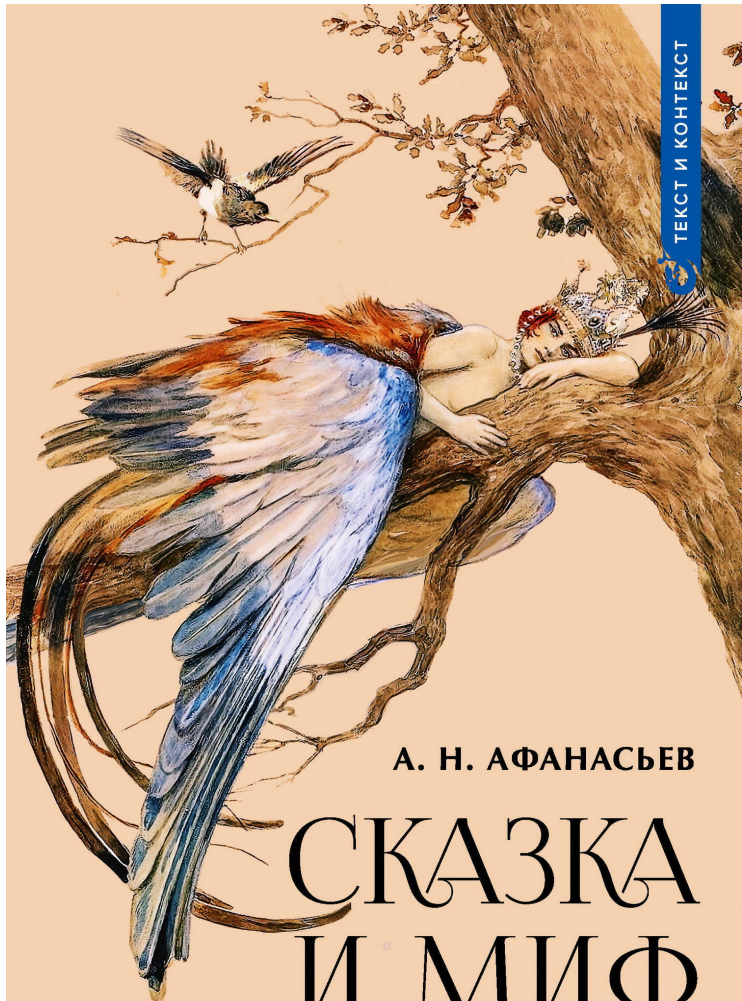

ТЕКСТ И КОНТЕКСТ

А. Н. АФАНАСЬЕВ

СКАЗКА И МИФ

Lingua

ТАЙНЫ НАРОДНЫХ ПОВЕРИЙ

Александр Николаевич Афанасьев
Сказка и миф. Тайны
народных поверий
Серия «Текст и контекст»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73818403
ISBN 978-5-17-177923-8

Аннотация

Александр Николаевич Афанасьев (1826–1871) – русский собиратель фольклора, этнограф и литературовед.

Тексты сборника «Сказка и миф: тайны народных поверий» являются частью большого исследования по мифопоэтике славянской культуры и анализируют возможную связь славянских верований с индоевропейским фольклором, который А. Н. Афанасьев позже систематизировал в главном труде своей жизни – «Поэтических воззрениях славян на природу».

Контекст показывает неоднозначное восприятие исследовательского подхода А. Н. Афанасьева: современники критиковали его за излишнюю поэтизацию, смешение собственных доводов с имеющимися фактами и тяготение к идеям кабинетной мифологии.

В данный сборник вошли статьи: «Ведун и ведьма», «Зооморфические божества у славян: птица, конь, бык, корова,

змея и волк», «Сказка и миф», «Народные поэтические представления радуги», «Мифическая связь понятий света, зрения, огня, металла, оружия и жолчи» и «Заметки о загробной жизни по славянским преданиям».

Содержание

Жизнь в пространстве мифа	6
Ведун и ведьма	6
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Афанасьев

Сказка и миф: тайны народных поверий

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Жизнь в пространстве мифа

Ведун и ведьма

Много мифических образов создано народными поверьями, однако все они, несмотря на свой антропоморфизм, более или менее сливаются с различными частями природы неодушевленной, со стихиями огня, света, воды; все они более или менее удалены от человека. Не так представляет себе народ ведуна и ведьму. И тот и другая не являются в недоступной таинственности, напротив, простолюдин их близко знает и входит с ними в частые столкновения; он даже укажет на известные лица своей деревни как на ведуна и ведьму и посоветует их остерегаться. И ведун, и ведьма живут между людьми и ничем не отличаются от обыкновенных людей, кроме небольшого хвостика. Всякое село имеет своего ведуна; на Украине верят, что нет деревни, в которой не было б ведьмы¹. К ним прибегают в беде и просят помощи и советов. Если им и приписывают часто злые, враждебные действия, то во многих случаях ведун и ведьма для крестьянина необходимы: помощь их вполне удовлетворяет понима-

¹ Иллюстр. ч. I. стр. 415: статья Даля. Москвитян. 1846 г. № 11 и 12 стр. 149. (Прим. авт.)

нию и требованиям простого человека. Рассматривая ближе народные верования, нельзя не заметить, что в данном случае враждебный характер есть также результат позднейшего влияния, как это замечается и относительно других поверий. В язычестве ведун и ведьма имели благое *чистое* значение, которое прекрасно раскрывается и филологическими данными, и многими остатками древнейших верований в народном быту.

Слова *ведун* и *ведьма*, вместе со словами *ведовство*, *ветьство*, *ведомый*, происходят от глагола *ведать*, точно так, как синонимические им слова *знахаря* и *знахарки* происходят от глагола *знать*. От одного корня с словом *ведать* происходит и слово *вещать*, что особенно видно из сложных *по-ведать* и *по-вещать* (*по-вестить*), имеющих тождественное значение. Если станем рассматривать значение тех слов, которые происходят у славян от корня *вед*, *вет* (*вит*), *вѣц*, то увидим, что все эти слова имеют близкую связь и что объяснение их кроется в языческих преданиях народа. Слова эти создались в эпоху языческого развития и послужили первоначально для выражения религиозных представлений. В словах *ведать*, *вещать* (*вечать*), *вече* (*народное собрание, суд*), *вещба*, *вещун* (*вещунья*), *ветия* (*вития*), *весть*, *вещий*, *предвещать* (*предсказывать*), *предвозвещать* – заключаются понятия²: предвидения и прорицаний, сверхъестественного зна-

² У Сербов *vješt* (вещий), *vještina* – знание, *vještac* и *vještica* – колдун и колдунья. В Любушин. суде. *vyucene vescham vitiezovym* – *edoclae scientias judiciales*

ния, свободной поучительной речи и суда. Слова *вещий*, *вещун*, означающие в современном языке умного, говорливого и проницательного, в древнем языке имели преимущественно значение религиозное, сверхъестественное. У Всеслава, рожденного от *волхования* и обращавшегося в различных животных, – *вещая* душа была в теле³. Летописец, рассказывая, что В. Князь Олег был прозван *вещим*, прибавляет: «бяху бо людие *погани* и *невеголоси*»⁴. Оба эпитета и *поганый*, и *невеглас* старинными памятниками употреблялись для означения всего языческого, не просвещенного христианством. Ясно, что слово *вещий* имело религиозный смысл. Этим эпитетом наделен в «Слове о полку» Боян; *персты* его также названы *вещими*⁵. Ведуна народ считает тождественным *колдуну*; *ведовство* и *ветьство* – значат волшебство, колдовство; *колдуны* в летописи и старинных памятниках называются *вещими* *женками*, *бабами* *кудесницами* и *жена-*

(Булсл. О влиян. хр. на слав. яз. стр. 171–173, 175). В «Mater verborum» *вещибы* истолкованы: *vaticinîa*; а *вештец* – *vates*, *propheta divinus*. Здесь дело идет о даре вещать по внушениям свыше, что вполне согласно с известиями о роли, какую играли у разных племен «вегласные девы» (Донесение Прейса из Праги. Жур. М. Н. Пр. 1841 г., февраль, стр. 48). *Вещий* – мудрый, хитрый, потому что хитрость считалась высшим проявлением ума; *ситявь* – сильный, могучий герой. (Прим. авт.)

³ Слов. о полку (Руск. Достоп. ч. III. стр. 200). Словотолк. Макаров. (Ч. О. И и Др., год 2. № 7. стр. 27). (Прим. авт.)

⁴ И. С. Р. Лет. т. I. (Нестор) стр. 13. (Прим. авт.)

⁵ Слово о полку. изд. Дуб. (Рус. Достоп. ч. III. стр. 6, 10, 26, 202). Теперь говорят: *сердце* – *вещун*, сердце сердцу *весть* подает. (Прим. авт.)

ми *чаровницами*⁶. Таким образом, понятия ведун и ведьма (ведунья) имеют несколько синонимических выражений. *Кудесник*⁷, по объяснению Памвы Берынды – *чаровник*, происходит от слова *кудеса* (*чудеса* – чудо, чудный и чудесный, т. е. таинственный, непостижимый). *Кудеса* теперь означают святочные гаданья, игры и особенный обряд, представляющий остаток древнего жертвоприношения очагу. *Чаровник*⁸ – чара, чаровать, чарующий, очаровательный: все эти слова указывают на смысл религиозный. *Чарами* в народных поверьях обозначаются особые таинственные обряды, совершаемые для отогнания нечистой силы, излечения болезней, напущения на врага бедствий и т. п. *Колдовством* теперь называют совершение *чар* и произнесение *заговоров* (*за-гово-рить* то же, что *за-веицать*), следовательно, все то, что составляло принадлежность древнего богослужения, ибо чары и заговоры представляют остатки языческих жертвоприношений, очищений, мольбы, гаданий, врачевания и предсказаний. *Ко(а)лдун, колдовство*⁹ происходят от славянско-

⁶ См. Стоглав: рукописи. ведовские дела; Описан. Рум. Музеума стр. 551. В простонар. словотолков. Макарова (Ч. О. И. и Д. Р. год 2. № 7. стр. 26) *ведьма* объяснена *чаровницей, колдуньей*. (Прим. авт.)

⁷ Бусл. О влиян. хр. на сл. язык. стр. 184. Архив, изд. Калач., статья: Дедушка-домовой, стр. 24. (Прим. авт.)

⁸ У Митр. Кирилла уже упоминается *чародеец* (Русск. Достоп. Ч. I. стр. 111). (Прим. авт.)

⁹ В чешск. *kauzlo, kostlar* (колдовство, колдун); в Молдавии *колачуны* – колдуны и ворожеи (Бусл. О влиян. хр. на сл. язык. стр. 103. Отеч. зап. Свинына 1828 г. № 98. стр. 476). (Прим. авт.)

го корня *колд*, *калд*, *клюд*, *куд* и означают сожжение (жертвоприношение), очищение и того, кто совершает жертву и очищение¹⁰: филология здесь вполне подтверждает то народное понятие, какое составилось о колдовстве. Наконец, остается еще один важный синоним словам ведун и кудесник, это – *волхв*, слово, часто встречающееся во «Временнике» Нестора¹¹, упоминаемое до сих пор в лубочных сказках и уцелевшее в некоторых провинциальных наречиях¹². *Волхв* – *völho* от снкр. *валг* – светить, блистать, как слово *жрец* от *жреть*, *гореть*. Отсюда видно, что слово *волхв* синоним слову *жрец*; но последнее представляет славянскую форму, а первое есть имя индоевропейское, следовательно, древнейшее. Слово *волхв* указывает, следовательно, на по-

¹⁰ *Cud*, *cúdili* – чистота, очищать; отсюда *cudar* – судья. (Бусл. О влиян. хр. на сл. язык. стр. 136). В чешск. *кудол* – густой дым (чуд – запах), *клюдити* – очищать, в сербск. *кудити* – заговаривать; *пас-куда*, *паскудный* – нечистота. Сравни: кудеса, кудесник, кудеяр. В Хорут. нар. *калдосати* – приносить жертву, *калдованиц* – жрец, *калдовница* – жертвенник (Срезневск. О языч. богосл. древн. слав. стр. 59–60). С названиями колдуна и колдовства филологически связываются понятия *суда* и *очищений*; очищения требовали *пламени* и *дыма*; суд Божий совершался *огнем* и принадлежал также к очищениям. (Прим. авт.)

¹¹ Нестор употребляет слова *волхв* и *кудесник*, как однозначашие (см. рассказ о смерти Олега). (Прим. авт.)

¹² В Вологодск. губ. *волхат* – колдун, *волхатка* – ворожея; в Новгород. *волх* – колдун, угадчик, прорицатель; в Малорос. *волишити* – хитрить; в болгарск. *волхв* – прорицатель (Бусл. О влиян. хр. на сл. яз. стр. 23. Срезневск. Изсл. о языч. богослуж. древ. слав. стр. 61. Макаров. Простон. словотолк. Ч. О. И. и Д. Р. год 2. № 7. стр. 24). (Прим. авт.)

клонение свету и на жертвоприношения¹³. Таким образом, из рассмотрения слов, синонимических ведуну и ведьме, находим, что в словах этих лежат понятия сродственные, которые в язычестве имели смысл чисто религиозный, именно понятия: таинственного, сверхъестественного знания, предвидения, предвещаний, гаданий, хитрости или ума, красной и мудрой речи, чарований, жертвоприношений, очищений, суда и правды и, наконец, врачевания, которое сливалось в язычестве с очищениями. В Вологодской губ. *вецетинье* значит лекарство; в одной старинной песне жена, притворяясь больной, посылает своего мужа: «Ты поди *дохтуров* добывай – *Волхви*-то спрашивать»¹⁴. Все приведенные нами названия самым значением своим указывают на *служителей божества*; названия эти составились как обозначение тех или других особенно наглядных признаков языческого богослужения: *кудесник* и *чаровник* указывают на таинственность, сверхъестественную силу, творчество; *колдун*, *волхв* и *жрец* – на служение божествам света, жертвоприношения и очищения; наконец, *ведун* и *знахарь* обнимают собой более ши-

¹³ Бусл. О влиян. хр. на сл. язык, стр. 23. (Прим. авт.)

¹⁴ Древн. рос. стихотв. стр. 15. В Псковск. лет. доктор Бомелий назван *волхвом* (Сказ. рус. нар. Сахаров, т. 1. стр. 6. Черноkn.) *Врач* в скр. *бру* – говорить, в кельтич. *bri* – слово, *brudiwr* – предсказатель, пророк (Бусл. О влиян. христ. на сл. язык, стр. 174). Народное врачевание совершается через *заговоры* и *нашептывания*. В позднейшее время, когда названия ведунa, колдуньи и пр. потеряли свою филологическую распознаваемость, появились названия бабы- *лечейки* и бабы- *ворожейки*. (Прим. авт.)

рокий круг понятий, потому что в корне этих названий лежит *ведение, знание*. В языческую эпоху народного развития *ведение* понималось как чудесный дар божества; весь объем понятий сосредоточивался в умении понимать таинственный язык обожествленной природы, наблюдать и истолковывать ее явления и приметы. Введение это было высшей премудростью: оно тесно соединяло человека со священными стихиями воды, огня, света, над которыми гадали и предсказывали, которым молились и приносили жертвы, и силой которых раскрывали правду (судили) и совершали очищения. Под понятие ведения подходили все религиозные обряды: это было полное знание языческого богослужения и его значения в разных случаях жизни.

Филологические указания не только вполне подтверждаются поверьями и преданиями народными, но в них получают еще более определенности и ясности. Поверья и предания предоставляют нам в данном случае такие интересные подробности, которые живо воссоздают эпоху давнопрошедшую, старину незапамятную. «Волсви и бабы кудесницы богомерзкая и множайшая волшебствуют», – говорит одна старинная рукопись¹⁵. Колдуны, ведьмы, знахари и знахарки до сих пор еще занимаются в разных местах обширной Руси *очищениями* и *врачеваниями*, что одно и то же. Болезнь народом рассматривается как нечистая сила, которая после очищения водой и огнем, как стихиями священными, светлы-

¹⁵ Опис. Румянц. муз. Восток. стр. 551. (Прим. авт.)

ми, спешит удалиться. Народное лечение основывается главным образом на *окуривании*, *сбрызгивании* или *умывании* и *дуновении*, причем произносятся на болезнь заклятия¹⁶. Колдуны и колдуньи только и могут прогонять нечистую силу; а потому их призывают для унятия кикимор, чужого домового и разных враждебных духов, поселившихся в какой-либо избе. Они обмывают притолки от лихорадок, они объезжают с различными обрядами поля, чтобы очистить их от всяких гад и насекомых¹⁷. Колдуны и знахари необходимы при свадебных обрядах; они защищают молодых и весь свадебный поезд от нечистой силы и чар. Нечистая сила, враждебная жизни, особенно губительно действует на молодую чету, ибо брак есть источник для развития новой жизни. Оттого-то молодых более всего надобно беречь от нечистой силы; воротясь от венца, они переезжают через куль *зажженной* соломы и таким образом очищаются от всего злого, враждебного; спальню молодых объезжает конюший с обнаженным мечом во всю первую ночь. Но этого мало. При всякой свадьбе необходим колдун, который бы сберегал молодых от всякой порчи. В Пермской губернии при невесте всегда на-

¹⁶ Авдеев. Зап. о стар. и нов. быте рус. стр. 134—136, 139. Сахар. Сказ. рус. нар. т. 2. стр. 23—24. В Молдавии колачунам приписывается сила исцеления застарелых болезней. Они кладут больного на землю, прыгают вокруг него, шепчут заговоры, приказывая болезням удалиться, и поют песни. (Отеч. записки Свиныина 1828 г. № 98. Ч. XXXIV. стр. 476—478). Малор. и червонорус. нар. думы и песни, стр. 99. (Прим. авт.)

¹⁷ Сахар. Сказ. рус. нар. т. 2. стр. 95. (Прим. авт.)

ходится знахарка, а при женихе – знахарь. Знахарь едет впереди свадебного поезда, сопровождающего молодых к венцу, – с озабоченным лицом, озираясь по сторонам и нашептывая: это значит, что *он борется с нечистой силой*, которая строит молодой чете козни¹⁸. К волхвам даже приносили детей, и они давали им языческие имена и навязывали ладанки, амулеты (наузы), которые служили предохранительным средством против всякого сглаза, чар и влияния нечистой силы. В окружной Царской грамоте 1648 года сказано:

«а иные люди тех чародеев и волхвов, и богомерзких баб в дом к себе призывают и к малым детям, и те волхвы над больными и над младенцами чинят всякое бесовское волхование».

В Слове св. Кирилла о злых духах проповедник восстает против того же обычая:

«а мы ныне (говорит он) хотя мало поболим, или жена, или дитя, то оставльше Бога, ищем проклятых баб чародейц, наузов и слов прелестных слушаем», баба «начнет на дети наузы класти, смеривати, плююще на землю, *рекше беса проклинаят...* творится дети врачующе»¹⁹.

Вообще, во всех трудных случаях жизни, когда приклю-

¹⁸ См. Сказ. рус. нар. Сахар, т. 1. (черноkn.) стр. 56. т. 2 (свадьбы) стр. 17, 107–9. Очерк. Архан. губ. Верещагина стр. 181–3. (Прим. авт.)

¹⁹ Архив Калач.: статья Буслаева, стр. 2–4. Опис. Архива стар. дел Иванов. стр. 296–298. Москвит. 1844 г. № 1 стр. 244–5. (Прим. авт.)

чится беда, нападет на сердце кручина, случится дома пропажа (например, украдут корову или отгуляет лошадь и т. п.), угрожает ли ненавистный враг, — во всех этих случаях крестьянин просит совета у колдуна и ведьмы и прибегает к их помощи²⁰. Колдун и ведьма, по народному убеждению, тотчас отгадывают вора и открывают потерянную вещь. И колдун, и ведьма занимаются гаданиями и предсказаниями. Краледворская рукопись говорит, что Кублай собирал чародеев и знахарей, и те ему гадали: достанется ль его войскам победа или нет? В. Кн. Олег спрашивал у волхвов, от чего он умрет? Один волхв отвечал ему: «Князь, ты умрешь от любимого коня». Рассказавши о том, как сбылось это предсказание, летописец прибавляет: «се же дивно есть, яко от волхования сбывается чародейством». Тот же дар предвещания имели и все другие волхвы, о которых упоминает летописец: все они предсказывали будущее²¹. Заговоры, эти обломки языческих молений, главным образом произносятся знахарями и знахарками. В заговорах делается обращение к божествам света; тот, кто произносит их, умывается росой и становится на восток солнца красного²². Силой загово-

²⁰ См. Сахар. Ск. рус. нар. т. 1 (Чернокт.). О ведьмах у болгар (Жур. М. Н. Пр. 1846 г. Дек. стр. 208). (Прим. авт.)

²¹ Кралед. рукоп., пер. Берха. стр. 31. П. С. Р. Лет. т. I. стр. 16. (Нестор), и др. страницы о волхвах, явившихся в Киев, Новгород, на Белоозере. Гедемину волхв растолковал его чудесное виденье (Вестн. Евр. 1821 г. № 16 стр. 310–311). (Прим. авт.)

²² См. Соврем. 1850 г. № 4 (Критика на Архив г. Калачова). (Прим. авт.)

ров знахари и знахарки уничтожают кручину, прогоняют болезнь, изменяют злобу на любовь, умиряют несчастную любовь, ревность и гнев, вызывают сочувствие и проч.²³ Колдуны и ведьмы собирают таинственные чудодейные травы и корни, готовят целебные мази и снадобья; в сказках они являются владельцами живой и мертвой воды, ковра-самолета, чудесных коней²⁴. Все рассказанные нами предания и поверья очень ясно указывают, что некогда колдуны и ведьмы, и именно в язычестве, имели значение не только *благодетельное*, но и *богослужебное*, т. е. по преданиям и поверьям — они являются служителями богов светлых, чистых.

Выше мы указали связь имен ведуна и ведьмы со словами *вещать*, *предвещать*, *заговаривать*. Такая связь основанием своим имеет языческие религиозные убеждения, некогда жившие в славянине. Богослужение его главным образом выражалось в мольбе и предвещениях, которые сопровождали собой и жертвоприношения, и гадания, и очищения, и игрища²⁵. Остатки этих старинных молений и предвещаний уцелели в заговорах, заклятиях, загадках и некоторых народных обрядовых песнях. Священное значение речи, обращенной к божеству или поведающей волю божества, тре-

²³ См. заговоры в Сказ. рус. нар. т. 1. (*Прим. авт.*)

²⁴ Москвит. 1841 г. № 5 ст. 155 (И. М. Снегирева Лубошн. картины). (*Прим. авт.*)

²⁵ Вспомним простонародные праздники, гадания на Троицын день и Семик, гадание по внутренностям убитой свиньи на Святках, подблюдные песни и проч. (*Прим. авт.*)

бовало выражения торжественного, стройного; с другой стороны, все народы, на первоначальных, младенческих ступенях своего развития, любят песенный склад речи, который звучнее, приятнее говорит слуху и скорее напечатлевается в памяти. Первая молитва у всякого народа была и первым песнопением; в заговорах и заклятиях до сих пор замечается метр и народная рифма; то же должно сказать о загадках и некоторых старинных пословицах и поговорках²⁶. Вот почему песни получили для народа священный характер; происхождение их приписано божественной силе. По мнению украинцев, песни не слагаются народом; но когда *заиграет* море, из его вод выходят морские духи и поют песни; люди приходят к берегам и учатся у них. Словаки поют:

Зпеванкы, где сте са вы взалы,
Чи сте з неба подлы, чи сте раслы в гаи?

В чешской старинной песне Славой говорит брату:

Доброго певца и боги любят,
Пой – от них поешь ты песни²⁷.

Иоакимовская летопись говорит о *жреце* Богомиле, что он *сладкоречия ради наречен Соловей*²⁸. То же название со-

²⁶ Малор. и червонор. нар. думы и песни, стр. 100. См. загадки у г. Сахарова, пословицы у г. Снегирева. (Прим. авт.)

²⁷ Москвит. 1846 г. № 11 и 12. Критика (Поверья, собр. Кулешом) стр. 154. Бодянк: О народн. поэт. слав. племен, стр. 43. Краледв. рукоп., в пер. Берха, стр. 3–12. (Прим. авт.)

²⁸ Истор. Татищева ч. 1 стр. 39. (Прим. авт.)

ловья «Слово о полку Игореве» дает певцу Бояну²⁹: «о Бояне, соловию старого времени!». Боян налагал на струны свои *вещие персты*: «они же сами князем славу рокотаху»³⁰. Боян был вместе и певец, и музыкант: в это отдаленное время песня и музыка сливались; и та и другая взаимно дополняли себя и равно были необходимы при языческом богослужении. Боян был народный певец – музыкант, слагатель песней, подобно теперешним бандуристам, кобзарям (у малороссиян) и слепцам-музыкантам (у сербов), которые ходят по селениям и на играх, торжищах и многолюдных собраниях распевают народные думы, наигрывая в то же время на бандуре, кобзе и гусях³¹. О таком же певце говорит «Слово о полку», вспоминая о Святославовом песнотворце *старого времени*, а Краледворская рукопись – рассказывая о *Забое*. Забой был и певец, и музыкант, и защитник богов, и жертвоприношитель; песнь Забоя говорит о богах. С песней соединялась не одна музыка, но и пляска. Хоровод (коло), и теперь напоминающий своей формой, местом и временем совершения отдаленную языческую старину, соединяет в себе и пляску, и пение в одно и то же время. Славяне издавна слыли народом, любящим песни и пляски – и не даром. Они

²⁹ Слово *боян* в Рязанск. губ. значит *краснобай* (*баит* – говорить), *говорун*. (Ч. О. И и Д. год. 2 № 6 стр. 9 Словотолков. Макарова). (Прим. авт.)

³⁰ Слово о полку Игор. изд. Дубен. (Рус. достоп. ч. III.) стр. 10, 22. (Прим. авт.)

³¹ Бодянск.: О нар. поэзии слав. плем. стр. 103, 109. Малорос. и червонорус. нар. думы и песни, 1836 г. стр. 7. (Прим. авт.)

все воспевают: и рождение, и свадьбу, и похороны; все игры их непременно сопровождаются песнями и пляской, так что составилось выражение: *играть песни*³². Связь песни с обрядами и играми прямо свидетельствует за их религиозно-богослужебное начало и значение. Песни и пляска тем более были необходимы для языческого богослужения, что это последнее требовало пиров, на которых вкушали от жертвенных яств и напитков, требовало игрищ, которыми выражалось торжество светлой силы жизни. Вот почему в старинных песнях заключилось так много языческих преданий, почему в них вся природа является одушевленной, грустит и радуется: месяц, солнце и звезды, орлы, соколы и вороны, деревья и пр. – все живет полной жизнью³³. Песня, как и заговор, получила у славянина чудесную, чародейную силу, которой боги вызываются на помощь и покровительство. В Ипатьевской летописи рассказывается об одном *гудце*, песни которого имели такую же силу, как зелье. Славяне приписывали песням целебное свойство от всех болезней и душевных недугов³⁴. Музыка у всех народов, в их первоначальном быту, считалась даром светлых божеств: они-то научают этому сладостному искусству. Лужицкое *gusslowasch* – колдовать,

³² *ibid.* стр. 21–22. (Прим. авт.)

³³ *ibid.* стр. 149–150. (Прим. авт.)

³⁴ *ibid.* стр. 33. П. С. Р. Л. т. 2. (Ипатьев.) стр. 155. В сказках говорится о гуслих-самогудах: когда на них заиграют, то никто не в силах удержаться от пляски. (Прим. авт.)

gusslowar – колдун и польское *gusla* – колдовство сродни с нашим словом *гусли*³⁵. Певцы, скоморохи воссылали мольбы, произносили заклятия и заговоры, делали предсказания. Оттого-то Боян, внук *Велесов*, назван *вещим, смысленным*³⁶. Такое значение песни, музыки и пляски объясняет, почему христианство посмотрело на них так неприязненно, назвало их *бесовским* делом. В песнях, музыке и пляске оно справедливо видело остатки язычества³⁷. В стихе о Страшном суде поется, что грешникам, осужденным на вечную муку, будет сказано: «вы в гусли-свирели играли, скакали, плясали, все ради дьявола». На лубочной картине, изображающей скомороха, встречаем знаменательную надпись: «Бог создал – *иерея*, а дьявол – *скомороха*». Сопоставление скомороха с иереем прямо указывает на богослужebное значение первого во время язычества³⁸.

³⁵ Бусл. О влиян. хр. на слав. яз. стр. 109. В чешск. *кузло* – чара, *кузельник* – кудесник (Срезн: О богосл. др. слав. стр. 60). (Прим. авт.)

³⁶ Слово о полку, изд. Дуб. стр. 202. От Бояна дошла до нас *притевка*: «ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божия не минути». (Прим. авт.)

³⁷ Против гуслей, песен, игр и плясок восстают и Кирилл Туровский (Пам. слов. XII ст. стр. 95), и Нестор (стр. 73), и Стоглав (Сахар. т. 2 стр. 100–111), и вообще высшее духовенство. (См. Оп. Рум. Музеум. стр. 228, 551. Акт. Ар. Эк. т. 1 № 86, 240. т. IV, № 98. Д. к А. И. т. 1. № 22. Опис. арх. ст. дел стр. 296–299). (Прим. авт.)

³⁸ Историч. и стат. сборн. В. (статья г. Снегирева о луб. карт.) стр. 205. Ч. О. И. и Д. год. 3, № 9, стр. 207. В Молдавии колдуны даже врачуют с плясками и пением; они украшают свои головы венками из трав и цветов, покрывают лица белыми платами, бродят по селам, спят под церковными кровлями, (Отеч. зап. 1828 г. Свиньина, № 98, ч. XXXIV, стр. 476–8. Статья Руссова). (Прим. авт.)

Все рассмотренные нами данные приводят к тому заключению, что у славян были свои служители богов – и мужчины, и женщины, и ведуны, и ведуньи. Но какое они имели значение среди славянских общин? Составляли ль особенный класс или нет? Какое занимали место в совершении религиозных обрядов? К какой эпохе, наконец, надо отнести появление этих лиц – в истории славянского язычества?

Отправление богослужения и приношение жертв первоначально принадлежало главе рода или семьи, следов., *старшим*, будут ли это мужчины или женщины – все равно³⁹. С перенесением верховного значения родоначальника на князей отправление богослужения перешло к этим последним, разумея богослужение общинное, публичное. Родоначальники отдельных родов и даже отцы семейств удерживали по-прежнему свое священное значение, но только в кругу своего отдельного рода и семьи. Но верховным жрецом, священнослужителем для целой общины, соединившей в себе многие племена и роды, был князь, хотя он и обязан был решать все религиозные вопросы сообща со стариками.

Отсюда объясняются слова Нестора о совещании Владимира Великого со старцами и боярами относительно измене-

³⁹ Это подтверждается значением слова *князь* (Ист. Сб. Погод. кн. III. стр. 82–89. Ист. сист. Ходаковск.) Мысли об Ист. рус. яз. Срезневск. стр. 140–4. Кралед. рук. говорит, что *отец* кормил богов; известная колядка о принесении в жертву козла заставляет *старца* готовить нож к священному закланию. Все современные остатки старинных жертвенных обрядов совершаются *стариками* и *старухами*. (Прим. авт.)

ния веры, о приговоре старцев бросить жребий на отрока и девицу – для принесения богам в жертву. Вместе с постепенным развитием общинного быта у славян, вместе с утверждением княжеского управления необходимо начинает развиваться и публичный характер их богослужения, празднеств и игрищ религиозных. На игрища и празднества роды начинают сходиться «межи селы» и совершают их вместе; божества, воплотившиеся в образы человеческие, изображаются в истуканах (кумирах), которые поставляются на открытых для народного поклонения местах. В это время становится необходимым, чтобы выделились из общей массы народа люди, которым можно бы было вверить надзор за чистотой священных мест и охранение кумиров от внешних физических влияний. Сверх того, к той эпохе языческого развития, когда богослужение начинает принимать характер общности, публичности, относится начало затемнения мифов и образование таинственного религиозного языка. Прежде и миф был общедоступен, и язык, которым выражался его смысл и его соотношения с другими мифами, – для всякого понятен. И когда божества из простых явлений природы облачаются в человеческие формы, получают субъективность и все человеческие страсти и побуждения, тогда миф затемняется и те выражения, которые понятны в приложении к простому явлению природы, делаются загадочными в отношении к его персонификации. Язык религиозный принимает характер таинственный: является *заговор* и *загадка*. Знать смысл

мифов язычества, понимать язык заговоров и загадок уже не могут все, а только некоторые избранные, посвятившие себя этому священному *ведению, знанию*. Мало-помалу, путем чисто фактическим, начинают выделяться из народа люди, одаренные большими способностями и пользующиеся потому бóльшим влиянием. Действуя более или менее под религиозным увлечением, они являются народными учителями и предвещателями: им понятен смысл древних мифов и религиозного языка, они в силах разгадывать и объяснять всякие приметы и гадания, они знают таинственную силу трав и очищений, они могут совершать все чародейной силой заговора. Это ведуны и ведуньи, волхвы или кудесники и кудесницы. В народе рождается убеждение, что они, как близкие к божествам и понимающие их знамения, одарены даром предвидения, знают волю богов и могут открывать правду. Ведун, следовательно, есть тот, кто более знает религиозные тайны, кто дарованиями своими (умом, речью, поэтическим даром) возвышается над всеми другими. К подобным *вещим* людям и начинает прибегать народ в нужде для испрошения помощи и совета. Помощь ведуна и ведуньи состояла в том, что они возносили богам молитвы и приносили жертвы, ибо им известна была могучая сила мольбы (впоследствии – заговоров, нашептываний и заклятий), жертвы (впоследствии – чар) и связанных с ними очищений. Ведуны несколько не мешали религиозно-богослужебному значению родоначальников; те и другие не исключают взаимно себя и одинако-

во пользуются народным уважением, тем более, что первоначально ведуны выделяются из числа тех же стариков, начальников родов и семей и особенного класса не составляют. За такое положение говорят даже современные представления колдуна и ведьмы и все предания и поверья, имеющие соотношения с древним языческим богослужением. В народе даже существует убеждение, что тайная наука волшебства хранится в семействах, передаваясь из рода в род, от отца к сыну⁴⁰. Первое известие о волхвах-кудесниках находим в летописи, в рассказе о княжении Олега; следовательно, появление волхвов совпадает с известием о кумирах. Впоследствии из волхвов должно было образоваться сословие *жрецов*, в том смысле, как мы теперь понимаем это слово. В старинном нашем языке слово *жрец* было известно. Кирилл Туровский говорит в одном «Слове»: «не окропиша его завистивии *жьрци*», Иоакимовская летопись также упоминает о жрецах⁴¹; но как понимать эти места? Жрец здесь – особенное название волхва, и ему принадлежало то же значение, что и волхву. Приписывать нашим славянам отдельное сословие (класс) жрецов, как это было у других народов, имевших вполне развитую мифологию, не позволяют все достоверные известия о их быте. Филологически слова *жрец* и *волхв* – тождественны; оба они указывают только на одну сторону языческого богослужения, на служение огню и сожже-

⁴⁰ Верещаг: Очерк. Арханг. губ. стр. 187. (Прим. авт.)

⁴¹ Памятн. слов. XII в. стр. 63. Татищ. Истор. ч. 1, стр. 39. (Прим. авт.)

ние жертв⁴², как другие синонимические названия указывают на другие стороны богослужения. Впрочем, колдун также означает жертвоприносителя; а кудесами называются: а) коляда, праздник, в который совершалось заклание свиньи, и б) жертва домовому. С большим развитием публичного характера в языческом богослужении славян волхвы могли бы усвоить себе религиозное значение исключительно и образовать отдельное сословие (класс); но такой переворот в религии требовал медленного, долгого процесса, который далеко не успел совершиться, когда появилось на Руси христианство. Вообще, надо заметить, что конечное развитие язычества у нас представляется в тех неустановившихся формах, которые прямо говорят об его переходном состоянии из религии отдельных родов и племен в религию публичную, общинную.

Колдуны до сих пор пользуются в народе большим уважением; на пирах им принадлежит первое место; их более других стараются угостить и употчивать⁴³; народ охотно прибегает к их помощи и совету. Тем не менее поверья о колдунах и колдуньях в течение многих столетий должны были во многом измениться, утратить свою прежнюю доступность и слиться с многими поверьями позднейшего образования, искусственность которых обличает их недавность. Таково, на-

⁴² Влияние Богомила на народ и его противодействие христианству сходны с влиянием и поступками волхвов XI ст. (см. Нестора). (*Прим. авт.*)

⁴³ Вестн. Евр. 1828 г. № 5 и 6 стр. 91. (*Прим. авт.*)

пример, различие ведьм на *природных* и *ученых*⁴⁴. Все приведенные выше названия в народе часто заменяются одно другим, но иногда и различаются; так, уверяют, что ведьма не то, что ворожея и чаровница. Причина такого различения заключается в том, что самое название ведьмы, а равно и колдуна, потеряло прежнюю ясность; с этим именем для народа соединились все остатки языческих поверий и тот враждебный характер, который придан им в христианскую эпоху; между тем бабы-ворожейки, бабы-лечейки удержали за собой только общедоступное благотворное значение ведьмы: они врачуют болезни и отгадывают скрытое. Поэтому самые загадочные предания и поверья соединены с представлениями ведьмы и колдуна (ведуна); все эти предания и поверья имеют чисто мифическое значение, и, рассматривая их, мы еще более убедимся в сделанных уже нами выводах.

Народные поверья приписывают ведьмам и колдунам: 1) *полеты на Лысую гору*, 2) *скрадывание светил и доение коров* и 3) *превращения*. Прежде, нежели станем рассматривать эти поверья, укажем на то, как представляет себе народ ведунов и ведьм. Ведуны представляются *стариками*, ведьмы – и *старухами*, и *молодыми*. Старых женщин часто в брань называют ведьмами; но в народе ходит также сказание о трех сестрах – девицах, которые поведмились (сделались ведьма-

⁴⁴ *Природные ведьмы не делают людям зла; они только защищаются от нечистой силы. Природная ведьма, как только родится, тотчас может летать, тогда как не природной надобно учиться* (Москв. 1846 г. № 11 и 12 стр. 149. Об укр. нар. предан., собр. Кулеша). (Прим. авт.)

ми) и стали творить чудные дела. Вообще, о ведьме говорят, что она или старуха незапамятных лет, или молодая красавица⁴⁵. Такое представление делается совершенно понятным, если вспомним, что языческое богослужение и жертвоприношения совершались старшими в роде, стариками и старухами и что во всех религиозных обрядах *девы* принимали живое и неперемнное участие. Священно служебное значение старейших вполне объясняется родовым, патриархальным бытом славян, а священно служебное значение дев – самым характером язычества, которое выше всего поставляло творческую силу молодости, красоты и плодородия и которое обожало *красную девицу* зорю и самое Солнце первоначально представляло в образе юной и прекрасной женщины. Полнота девственных сил, обещающих развитие новой, юной жизни, не могла не вызвать особенного уважения и сочувствия. У западных славян были жрицы – старые женщины и девы⁴⁶. Что у нас девы имели религиозное освящение и участвовали в богослужении, это свидетельствуется всеми игрищами и старинными обрядами: так, на Красную горку девицы встречают солнце *с хлебом и песнями*⁴⁷. Песни народ-

⁴⁵ Сахар. Сказ. рус. нар. т. II. стр. 62–3 (Дневн.). Макаров. Рус. предан. ч. 2. стр. 103–111. (*Прим. авт.*)

⁴⁶ Козьма Пражский говорит о девах-вещуньях; у руян женщины гадали пред очагом (Срезнев. о языч. богосл. древ. слав. стр. 60–61, 81). (*Прим. авт.*)

⁴⁷ Вестн. Евр. 1821 г. № 3. стр. 193 февр. У других славян девицы совершают подобный же обряд 24 июня (Ж. М. Н. Пр. 1846 г. июль, статья Срезнев. Обожание солнца у слав. стр. 40). (*Прим. авт.*)

ные приписывают девицам чародейную силу: они могут обращаться и составлять таинственные зелья. Особенно любопытна песня о том, как девица составляла зелье; песня эта сохранилась во многих вариантах и подробно передает этот волшебный обряд:

Как по крутому, по красному берегу,
Что по желтому, сыпучему песочку,
Как ходила, тут гуляла красна девица,
Она рыла себе кореньица, зелье лютное,
Натопила она кореньица в меху, в патоке;
Напоила добра молодца допьяна. Или:
Брала стружки красна девица,
Бравши стружки, на огонь клала,
Все змей пекла, зелье делала.
Капнула капля коню на гриву,
У коня грива загорелась⁴⁸.

В Краледворской рукописи рассказывается: когда явилась княжна Любуша в *белой* одежде и села на отчем столе, среди собранного веча —

⁴⁸ В других вариантах рассказывается: вечером красная девица копала коренья, мыла их чисто на чисто в синем море (или: Дунае-реке), сушила их сухо на сухо, стирала мелко на мелко; или: змей пекла, ужа жарила; также: брала Марина горячие следы Добрыни и клала их в затопленную печь, а сама приговаривала: как жарко дрова с молодецким следом разгораются, так разгоралось бы по мне сердце Добрынино: А и Божье крепко, вражье — то лепко, Взяло Добрыню пуще острого ножа. (Сахар. Сказ. рус. нар. т. I. стр. 26, 202, 206. Др. рос. стих. стр. 303, 63. Терещ. ч. V. стр. 172. Отеч. зап. 1840 г. № 2, смесь стр. 27). (Прим. авт.)

Вышли две *разумные девицы*
С *мудрыми судейскими речами*:
У одной в руках *скрижали правды*,
У другой же меч – *каратель кривды*,
Перед ними *пламень правдовестник*,
А за ними *воды очищенья*.

В подлиннике: «*две вегласны деве, выучене вестьбам*»⁴⁹; *вегласный*⁵⁰ и *вестьбы* (от вешать, вещий) – слова, имевшие чисто религиозное значение. Ясно, что здесь говорится о девах-ведуньях. Суд в эпоху языческую имел значение религиозное и совершался в священных местах; суд водой и огнем, о котором говорит и приведенное сейчас место Краледворской рукописи, был *суд Божий*: огонь и вода – стихии священные, обоготворенные. Жребий и рота, употреблявшиеся в древнем суде, были также обряды религиозные. Служители божества, которым была ведома сила священных стихий, которые *гадали* и *предсказывали*⁵¹, также открывали и правду, и кривду. В наших памятниках также есть следы, что в старину суд совершался в местах, освященных присутствием

⁴⁹ Кралед. рук., пер. Берха стр. 63–64. Слово о полку, изд. Грамат. стр. 16, 32. Девы эти собирали в священные сосуды голоса. (Прим. авт.)

⁵⁰ *Невегласи* в летописи Нестора значит: непросвещенные христианством. (Прим. авт.)

⁵¹ Ворожба и гадания главные занятия ведунов и ведуний. (Прим. авт.)

божества⁵². Самая княжна Любуша соединяла в руках своих власть судебную и религиозную; белая одежда ее указывает на священное значение⁵³. Ведьмы, по нашим преданиям, ночью появляются в *белых* распущенных сорочках.

По ночам ведьма обыкновенно *расчесывает по плечам косы, надевает белую рубашку, садится верхом на помело (веник, ухват, лопату, кочергу, метлу), заваривает в горшке зелье и вместе с дымом очага уносится в трубу* на вольный свет. Так отправляется она портить молодых и девиц, доить чужих коров, гулять на Лысую гору. У ведьмы всегда хранится чудодейственная *вода, вскипяченная вместе с пеплом от купальского костра*: когда она захочет лететь по воздуху, то обрызгивает себя этой водой и тотчас уносится, куда захочет⁵⁴. Но главные полеты ведьм бывают два раза в году, *на Лысую гору (или чертово беремище)*. На Лысую гору ле-

⁵² В Псковской судной грамоте читаем: «а который позовник пойдет исца *звати на суд*, и той позванный *не пойдет на погост к церкви позывницы чести*... ино позывница прочести *на погосте пред попом*» – «а против той рядницы не будет *во святой церкви в лари* в теж речи другой...» Нет ничего удивительного, что духовенство, при введении христианства, так легко могло приобрести важное участие в судебных делах (стр. 5, 7 и др.). При Штетинском храме славяне сходились рассуждать об общинных делах (Срезнев. Архитект. храмов языч. слав. в Чт. О. И. и Д. Р. год 2. № 3. стр. 47). (Прим. авт.)

⁵³ В Богемии есть предание о княжне Любуше – предвещательнице будущего (Москвит. 1841 г. № 11. стр. 129–130. Богемск. пред.) Богослужбное значение женщин и дев подтверждают названия городищ: *бабьи* городки, *девичьи* (девичи) грады, девич-гора, княгинка, княгинин, княгинец и пр. (Ист. сборн. ч. I. стр. 37, 64, ч. VII. стр. 44, 160–1, 203–7. статьи Ходаковского). (Прим. авт.)

⁵⁴ Иллюстрац. т. I. (статья Даля) стр. 415. (Прим. авт.)

тают не одни ведьмы, но и колдуны (также на помелах, метлах, лопатах), и бабы-яги⁵⁵, и нечистая сила (черти)⁵⁶. Если схватиться за ведьму, когда она собирается лететь, то она вынесет вместе с собой на место их *сборища*. Полеты колдунов и ведьм совпадают с двумя главнейшими празднествами язычества: Колядой и Купалой. Зимний праздник Коляды приурочен теперь ко времени от Рождества до Крещения, потому что праздник Овсень есть продолжение Коляды. С 26 декабря, когда начинаются *бесовские потехи* и *нечистые духи* посещают землю, ведьмы летают на Лысую гору на *шабаш* и *сдружаются там с нечистой силой*; 1 января ведьмы заводят с нечистыми духами *ночные прогулки*⁵⁷, а 3-го, *возвращаясь с гулянья*, задаивают коров; следовательно, деятельность их главным образом обнаруживается на Коляду и в ближайшее к этому празднику время. 18 января ведьмы уже *теряют память от излишнего веселья*: это последний день зимнего гульбища. В ночь на 24 июня колдуны и ведьмы во множестве собираются на Лысую гору; здесь они *совещаются* на пагубу людей и домашних животных⁵⁸. Такая

⁵⁵ Баба-яга летает по воздуху в ступе, с помелом и пестом (костылем). Иллюстр. т. I. стр. 298. Терещ. ч. VII. стр. 162. (Прим. авт.)

⁵⁶ Связь ведьмы с нечистой силой есть результат позднейшего христианского влияния. (Прим. авт.)

⁵⁷ 1 января нечистая сила, прогуливаясь по озерам и рекам, бросает печуй-траву для унятия бури (Сахар. Сказ. рус. нар. т. I. стр. 44–5). (Прим. авт.)

⁵⁸ Макар. Рус. пред. ч. 2. стр. 103–111. Сахар. Сказ. рус. нар. т. 2 (дневн.) стр. 3, 4, 7, 41, 70. Терещ. Быт. рус. нар. ч. V, стр. 75, 87. Снегир. Рус. прост. праздн.

связь полетов колдунов и ведьм с двумя главными и сходными по значению праздниками яснее всего говорит за религиозно-богослужебный смысл этих полетов. Собрание колдунов и ведьм, их шабаш, есть мифическое представление древнего языческого богослужения, которое совершалось с особым торжеством. Праздники Коляды и Купалы совпадают с поворотами солнца. На Коляду, когда месяц встречается с ясной зарей, когда петухи рано запевают, приветствуя восходящее солнце, празднуется возврат этого божественного светила⁵⁹; на Коляду гадают о будущем урожае и будущей жизни, поют обрядовые песни; в незапамятную старину на Коляду приносили в жертву козла и свинью⁶⁰. В Иванов день бывает тоже встреча солнца, которое, как невеста убранная и украшенная, выезжает навстречу своему жениху-месяцу; это праздник полного развития сил природы, праздник жертвоприношений и очищений. В это время собирают таинственные травы, гадают и поют эту знаменательную песню:

С той вербы капля упала,
Озеро стало.
В озере сам бог купався.

ч. III. стр. 86. ч. IV. стр. 33–34. Стат. Даля: «равноденственные дни принадлежат кудесникам, и известная в Украине воробьиная ночь посвящена ведьмам» (Иллюстр. т. I. стр. 251). (Прим. авт.)

⁵⁹ Сахар. Сказ. рус. нар. т. I. (песни) стр. 22 и 23. (Прим. авт.)

⁶⁰ *ibid.* стр. 16. т. II. стр. 70. Терещ. ч. VII. стр. 4, 6, 48, 101 и др. (Прим. авт.)

На Лысой горе собираются колдуны, ведьмы и бабы-яги – лица, которым предания придали все, относившееся к языческому богослужению: ворожбу, гадание, врачевание и проч. Баба-яга, по свидетельству народных сказок, знает будущее, предвещает, подает благие советы⁶². Собрание колдунов и ведьм указывает на появление общественных празднеств, на которых роды и племена соединялись вместе и сообща совершали религиозные игрища. То же подтверждается современным празднованием Коляды и Купалы, которое совершается целой деревенской общиной. Колдуны и ведьмы летают на *гору*, которая лежит у *Киева*. Киев был главный город язычества, в нем жил великий князь, в нем стояли кумиры; понятно, почему ведьме придается эпитет: старой *Киевской*⁶³. Горы у славян-язычников были священными местами жертвоприношений и игрищ. Кумиры Перуна и других богов стояли на холму⁶⁴; здесь приносили жертвы «и осквернися кровьюми земля Руска и холм от». В Новгороде кумиры были поставлены над Волховом. Исцеленный Хри-

⁶¹ Терещ. Быт рус. нар. ч. V. стр. 78, 83. (Прим. авт.)

⁶² Макар. Русс. пред. ч. 1. стр. 60–63, ч. 2. стр. 17–23. (Прим. авт.)

⁶³ Сахар. Сказ. рус. нар. т. 1. (заговор.) стр. 26, 44. (Прим. авт.)

⁶⁴ Владимир, после принятия христианства, велел ставить церкви по тем местам, где стояли кумиры «и постави церковь Василия на холме, идеже был Перун... идеже творяху потребы князь и людье» (П. С. Р. Л. т. 1. стр. 51. Сравн. Вестн. Евр. 1819 г. ч. CVI № 13. стр. 42–43). (Прим. авт.)

стом человек говорит, в Слове Кирилла Туровского, жидам: «чили на *высокия холмы* хотите мя повести, идеже вы своя дети бесом закаласте?»⁶⁵. У других славянских племен купальские и соботские огни разводятся *по горам*⁶⁶. Старинные географические названия гор прекрасно подтверждают некогда священное их значение. Ходаковский приводит пятнадцать названий «*Лысая гора*» в славянских землях; почти у всех славян есть свои священные *красные, русые, червонные, гремучие, черные* и *поклонные* горы. Существуют городища: *лысец, лысково, лысины, лыцово, гремая гора, ясна гора, черногоры, черногорка, змеища гора* и т. п.⁶⁷ Эти названия – знаменательны: *красная* (ясная, русая, червонная) и *черная* горы говорят о поклонении божествам светлым и темным; в одной песне поется:

На *красной горе*,
На всей высоте,
Крестись и молись,
Земно кланяйся⁶⁸.

⁶⁵ Полн. Собр. Р. Л. т. I. стр. 22, 34. Памятн. слов. XII. ст. стр. 61. (*Прим. авт.*)

⁶⁶ В Шлезии есть соботская гора. См. Москвит. 1844 г. № 9. стр. 214, 222 (о Фриульск. слов.). (*Прим. авт.*)

⁶⁷ Ист. сбор. Погод. ч. VII. (Ходаковск. статья), стр. 128, 193, 146, 237–8, 315, 334. Терещ. Быт рус. нар. ч. V. стр. 15. О лысых горах у Сахар. т. 2. стр. 41; И. М. Снегирева. Рус. простан. праздн. ч. IV. стр. 34. В Тамбов. губ. есть село «Лысые горы» (Вестн. Евр. 1820 г. № 23. стр. 186). (*Прим. авт.*)

⁶⁸ Ч. О. И. и Др. год 3. № 4. Словотолк. Макарова стр. 147. Вспомним выражения: красное солнушко, красная зоря. В числе названий городищ

До сих пор на красных горках встречаются у нас весна и солнце с хороводными песнями и приношением хлебов. Горы *гремучие*, *змеища*⁶⁹ свидетельствуют об особенном поклонеии молнии. Труднее объяснить значение *Лысой* горы. Есть выражение: *Лысый бес*. *Лысый*, собственно, значит открытый, голый: лысая гора, т. е. такая, возвышенность которой открыта, на ней нет ни жилья, ни растительности; следовательно, она представляет место, удобное для религиозных игр и обрядов. Вокруг священных гор росли заповедные леса; около Киева, по известию Нестора, «бе бор велик». Воймир, в чешской песне, сожигал жертву у горы, близ темной дубровы:

Эту гору полюбили боги⁷⁰.

Но вершина горы необходимо должна быть открытой. В нашем народе существует поверье: *где ведьма полюбит гору, там не скоро поселятся люди*⁷¹. Это поверье понятно. Гора, на которой совершались религиозные игры и обряды, была священная; к ней чувствовали особенное благоговение,

встречаем: белые, черные городки (боги, воды, леса, стоки и др. Ходаковск. Истор. сбор. ч. I. стр. 6, 15, 57 и др.). (Прим. авт.)

⁶⁹ Многие горы получили свое имя от Перуна; связь огненного змея с горой — известна. (Прим. авт.)

⁷⁰ Макар. Словотолк. (Ч. О. И. и Д. год 3. № 5. стр. 157). Краледв. рук., пер. Берха. стр. 19–20. Купала и Семик празднуются в лесах и рощах. (Прим. авт.)

⁷¹ Макар. Рус. предан. ч. 2. стр. 110–111. У германцев ведьмы летают на Броккен и Броксберг (Снег. Рус. прост. праздн. ч. III. стр. 867). (Прим. авт.)

и она нисколько не назначалась к заселению. Даже в христианскую эпоху к такой горе, сделавшейся *нечистой*, приближались со страхом. Два раза в году на горах совершались особенно торжественные обряды жертвоприношений, очищений, мольбы, игрищ; о них запомнил народ и облек их в мифическую форму.

Колдуны и ведьмы *летают на помеле, ухвате* и проч., *уносясь в трубу вместе с дымом*. Верование в полеты колдунов и ведьм должно находиться в тесной связи с их превращениями. Обращаясь в сокола, лебедя и проч., колдуны и ведьмы свободно летают по поднебесью. *Труба* есть необходимая принадлежность домашнего очага; она дает возможность совершаться горению и служит проводником дыму. Труба – единственный путь для сообщения священного охранительного огня с небом; этим священным путем посещает избу славянина вся божественная сила: в трубу летает и огненный змей, в трубу заглядывают нечистые духи, желая повредить человеку⁷². *Помело, кочерга, ухват, лопата, веник* – все атрибуты очага и потому предметы священные в язычестве: помелом (веником) выметается из печи зола; когда приносят в жертву домовому петуха, то кровь его выпускается на *голик*, который получает таинственную силу⁷³; веник употребляется при народном врачевании; кочергой разгребаются уголья, разбиваются головни; ей ударяют бадняк

⁷² Сахар. Сказ. рус. нар. т. 2. стр. 11. (Прим. авт.)

⁷³ Архив. г. Калач, статья «Дедушка-домовой» стр. 24. (Прим. авт.)

на Коляду, с мольбами на счастье и плодородие; лопатой сажают в печь хлебы. Все эти атрибуты *очага* получили в глазах язычника религиозное значение и были первыми орудиями при его жертвоприношениях (особенно очагу) и богослужении. Не одни колдуны и ведьмы ездят верхом на помеле, ухвате и проч.; подобное действие до сих пор соблюдается при совершении некоторых особенно важных обрядов, видимых остатков язычества. Так, при опахивании, когда изгоняется нечистая сила смерти, одна старая женщина едет впереди на помеле, в одной сорочке и с распущенными волосами. Ее окружают женщины и девицы с ухватами, кочергами, помелами, косами и серпами, которыми они машут по воздуху, вертясь в исступленной пляске и с диким криком проклиная смерть. Затем нагая женщина везет соху, которой проводится заветная черта круга; и ее тоже окружают женщины и девицы, одни несут зажженные лучины, другие – сильно ударяют в *заслонки, сковороды, тазы* и т. п.⁷⁴. Все участвующие в этом обряде являются в одних *белых сорочках, с распущенными косами*⁷⁵. Таким образом, и все другие атрибуты кухни и даже некоторые земледельческие орудия употреблялись при языческом богослужении, которое еще

⁷⁴ Сахар. Ск. рус. нар. т. II. стр. 13. Терещ. Быт. рус. нар. ч. VI. стр. 40–42. Снегирева. Рус. простон, празд. ч. I. стр. 204. ч. III. стр. 156. (*Прим. авт.*)

⁷⁵ На масленицу окрутники быют в *бубны* и *тазы*; колядчики поют песни, ударяют в бубны, и быют в лукошные барабаны; при похоронах Костромы *старшая* девица бьет в *лукошко* (Сахар. Сказ. рус. нар. т. 2. стр. 90. Терещ. Быт. рус. нар. ч. VII. стр. 336. Чт. О. И. и Д. Р. год 1. № 2. стр. 19). (*Прим. авт.*)

не успело развиться до того, чтобы создать особенные жертвенные и богослужебные орудия⁷⁶. Все представлялось еще в первобытной детской простоте. Только предметами, составлявшими достояние и принадлежность очага, можно было прогнать нечистую силу смерти; черта, проведенная помелом, была неприступная, заповедная; только помелом можно было *очистить* известное место. Каждый год, заклиная различных гад, знахарки объезжают луга и поля на помелах *от запада на восток*, махая кнутом по воздуху, ударяя им по земле и произнося заговоры⁷⁷. Для истребления клопов и тараканов объезжают вокруг дома три раза, верхом на кочерге. Заклиная мышей, истребляющих скирды и стога, знахарь берет пучок колосьев и сена, кладет его в печь и *зажигает раскаленной кочергой*⁷⁸. Кочерга, следовательно, имела то же чудесное значение, что и помело; и причина понятна. Кочерга, как видно из обрядов заклипания мышей и сожжения бадняка, была необходимым орудием при жертвоприношении очагу; великое и чародейное значение жертвы перешло на кочергу, как и на помело. Что ведуну и ведьме принадлежало и совершение жертв, это (кроме приведенного обряда заклипания мышей) подтверждается еще следующими поло-

⁷⁶ Решетом гадают. (Прим. авт.)

⁷⁷ Сахар. Сказ. рус. нар. т. 2. стр. 93. (Прим. авт.)

⁷⁸ *ibid.* стр. 9. Авдеев. Записки о стар. и нов. рус. быте стр. 143–4. Терещ. ч. V. стр. 147–8. Мать невесты выходит на встречу молодым, сидя на *кочерге* или *вилах*, с горшком, наполненным водой и овсом (Абевега стр. 44–5, 51). См. у Сахарова (Сказ. рус. нар. т. 2. стр. 86) об обряде *моргостья*. (Прим. авт.)

жениями: на Семен день знахари и знахарки гасят на очаге старый огонь и возжигают новый, с особенными обрядами⁷⁹; ведьме, для ее чар, необходимы *нож*; *шкура* и *кровь*, следовательно, необходимо все то, что принадлежит к жертвенному обряду⁸⁰. *Нож*, которым совершалось заклятие жертвы, получил то чародейственное значение, по которому он явился необходимым орудием при обращениях ведьм и при доедании ими коров⁸¹. Шкура животных служит для оберегания от влияния нечистой силы; на ней гадают⁸². Кровь жертвенная имела великую целебную силу; ей мазали лоб, щеки и подбородок. Еще Кирилл Туровский упоминает об окроплении *кровию козлию*. Когда у детей прорезываются зубы, то для унятия боли мажут у них десна *кровию черного петуха*. Знахарь, чтобы приобрести силу исцелять зубную боль прикосновением руки, должен задушить *черного крота* двумя пальцами или вымазать свои пальцы его кровью⁸³. Колдуны совершают кудеса (т. е. закаляют домовому петуха); они умеют допрашивать вихрь о будущем урожае и состоянии погоды.

⁷⁹ Терещ. Быт рус. нар. ч. V. стр. 143. (Прим. авт.)

⁸⁰ Иллюстрац. т. I. стр. 415. (Прим. авт.)

⁸¹ См. ниже. Если воткнуть нож в вихрь, то он непременно расскажет будущее. Позднейшее затемненное понимание мифа произвело поверье будто ведьма боится ножей, воткнутых под верхнюю доску стола. (Прим. авт.)

⁸² На Святки бывает гадание над пролубью, близь которой расстилается воловь шкура. (Прим. авт.)

⁸³ Знахарь, приступая к врачеванию водой, также наперед обмакивает в ней свои пальцы (Малор. и червонор. думы стр. 99–100). (Прим. авт.)

Допрос этот совершается так: колдун втыкает одной рукой в кружащийся вихрь нож, а другой держит петуха⁸⁴. Самое поверье о полетах ведьм *вместе с дымом в трубу* произошло из перенесения на них могущественной силы жертвы. Жертва сжигалась на очаге; дым от нее возлегал через трубу к небу, изначальному жилищу богов светлых; сила жертвы была так велика, что ради нее боги не могли отказать человеческой мольбе, ради нее боги благосклонно выслушивали и исполняли человеческие просьбы. Оттого впоследствии жертва вместе с заговором (мольбой) получила значение чародейное. Сила жертвоприношения была перенесена на самых жертвоприносителей и выразилась в особенном мифе о полете ведунов и ведьм. Это особенно ясно из того поверья, что ведьмы, желая лететь, окропляют себя водой, смешанной с пеплом от жертвенного купальского костра. Только сила жертвенных приношений могла придать мольбам ведьмы и ведуна могущество, только этой силой мольбы их достигали неба или, говоря мифическим языком: только этой силой ведуны и ведьмы могли летать. Под трубой, в которую уносятся колдуны и ведьмы, не должно разуметь только *трубу*, в ее обыкновенном смысле. Еще и теперь не на всех избах деревенских найдете трубы: есть избы *курные* (*курить* – дымом); тем более такое явление было обыкновенным в отдаленной древности, среди населения бедного и малоразвитого. Под

⁸⁴ Памят. слов. XII. в. стр. 63. Терещ. ч. VI. стр. 24. ч. VII. стр. 246 Иллюстр. т. I. стр. 505 (статьи Даля). (Прим. авт.)

трубой в данном случае надо понимать всякое отверстие, в которое мог бы выходить дым; для этого служит во многих избах дверь и окно волоковое. В простонародном языке трубу называют *дымовник*, а волоковое окно в курных избах – *дымоволок* (*дым* – *волочить*)⁸⁵. В одном заговоре рассказан такой религиозный обряд:

«встану я не благословясь, пойду не перекрестясь, ни дверьми, ни воротами, а дымным окном да подвальным бревном... побегу в темный лес, на большое озеро»⁸⁶.

Отсюда видно, что для большей силы мольбы, отправляясь в священные леса и к священным водам, выходили из дому иногда в «дымное окно», следовательно, тем путем, который *окурен дымом* и потому свободен от всякого влияния нечистой силы и злых чар.

Ведьма уносится в трубу в *белой сорочке и с распущенными косами*; так же в одних белых сорочках и распустив косы совершают женщины опахивание. Белая одежда и раскиданные по плечам волосы были необходимы для тех, которые участвовали в служении божествам света. *Белый* цвет – цвет светлых божеств, потому священный и благотворный. Распущенная коса – символ девственных, полных сил. В христианскую эпоху *простоволосие* (непокрытая и распущенная

⁸⁵ Макаров. Словотолк. прост. (Ч. О. И. и Д. Р. № 9. год 2. стр. 21). (Прим. авт.)

⁸⁶ Сахар. Сказ. рус. нар. т. 1. (загов.) стр. 35. Слова: «не благославясь, не перекрестясь» ясно говорят о языческом смысле обряда. (Прим. авт.)

коса) стало рассматриваться как грех⁸⁷.

Что же делают, по народным поверьям, колдуны и ведьмы на Лысой горе? – Они собираются туда для *совещаний*⁸⁸ и общего *веселья, пиршества*. И совещанья, и пиршества были необходимыми условиями языческого богослужения и игрищ. Из преданий народных видно, что колдуны и ведьмы на Лысых горах *веселятся (гуляют)* до беспамятства и *сдружаются* с нечистой силой. Это как нельзя более соответствует характеру языческих празднеств, которые сопровождались песнями, музыкой, плясками, публичным совершением браков и очищений, требовавших полного обнажения (например, очищение купаньем в реках); сверх того, празднества эти соединялись с общественными пирами, на которых ели жертвенные яствы и пили жертвенные напитки (мед) – до излишества. Поклонение оплодотворяющей силе солнца и молнии родило нецеломудренный праздник Ярилы. Летописцы, проникнутые духом христианского учения, смотрели на эти празднества как на крайнее явление разврата и безнравственности. Нестор, описывая религиозные игры некоторых славянских племен, на которых совершалось обрядовое похищение жен, замечает, что брака у этих племен не было. Неизвестный летописатель передает это сказание

⁸⁷ Отеч. зап. 1849 г. № 40 (статья Небольсина) стр. 230. Русалки и лихорадки представляются народом простоволосыми. О христианском противодействии обряду вождения по деревьям женщин с распущенными косами. См. Терещ. ч. III. стр. 59. Сахар, т. 2. стр. 97, 101. (Прим. авт.)

⁸⁸ Рус. прост. празд. ч. 1. стр. 175. (Прим. авт.)

Нестора в более подробных, но тем не менее верных чертах:

«А радимичи и вятичи, и севера... живуще в лесех, и *срамословие и нестыдение възлюбиша и пред отци и снохами, и матерми, и браци не възлюбиша*; но игрища межи сел и ту слегахуся, рищюще на плясаниа, и от плясаниа познаваху, котороа жена или девица до младых похотение имать, и от очного воззрения, и от обнажения мышца... таж потом целования с лобзанием и плоти с сердцем ражегшися слагахуся»⁸⁹.

Остатки подобных празднеств и игр жили в народе до позднейшего времени, о чем свидетельствует Стоглав, грамота царская 1648 г., послание Памфила, игумена Елеазарова монастыря, псковским властям и патриарший указ Иоакима (1684 г.). По указаниям этих памятников на Коляду и Купалу, а в некоторых местах и на Троицын день и на Всесвятское заговенье, по городам и селам сходились

«мужи и жены, и девицы на *ночное плещеванье (плескание — обряд, совершавшийся над водой и заменявший бракосочетание*⁹⁰) и на безчинной говор, и на плясание, и на скакание, и на богомерская дела, и егда ночь мимо ходит, тогда отходят к реце с

⁸⁹ Орывок говорит о том, что летописец осуждает эти племена, обвиняя их в аморальном поведении: они живут в лесах, пренебрегают брачными узами, устраивают между селениями игрища с плясками, где по взглядам и обнаженным телам выбирают себе женщин для плотских утех, что приводит к разжиганию страсти и греху. (*Прим. ред.*)

⁹⁰ См. свидетельство кирика (в Рус. дост. т. I.). (*Прим. авт.*)

великим кричанием, аки беснии умываются водою» — «возбесятся в бубны и в сопели и гудением струнным... и главами киванием... и хребтом их вихляния, и ногам их скакание и топтание» — «и ходя по водам (на Купалу) шумы творят всякими играми и всякими скомрашества, и песни...»⁹¹,⁹².

По болгарскому поверью, ведьмы ходят *ночью по рекам, раздеваясь донага*, и собирают от духов советы, как отворачивать человеческие беды и несчастья⁹³; поверье это имеет тождественное значение со свидетельствами о праздниках Коляды и Купалы. Такое «срамословие и бесстыдство» в эпоху христианства представлялось до того нечистым, греховным, что родилось поверье об участии в этих празднествах темных, злых духов и о связях их с ведьмами⁹⁴. Мы выше говорили о священном значении песен, музыки и плясок в язычестве; теперь показали, что празднества непременно требо-

⁹¹ Супрасл. рукоп. стр. 169. Сахар. Сказ. рус. нар. т. II. стр. 38, 101–3, Доп. к А. Ист. т. I. № 22. Описание Архив. стар. дел Иванова стр. 297. Простон. праздн. Снегирева, ч. 1. стр. 37–38. (Прим. авт.)

⁹² Орывок описывает, как люди в городах и селах сходились на ночные гуляния, которые сопровождалось шумом, плясками, песнями и игрой на музыкальных инструментах. Кульминацией обряда было шествие к реке на рассвете с криками и омовение. Автор клеймит эти действия как «бесовские» и «богомерзкие» дела, сравнивая участников с обезумевшими («аки беснии»). (Прим. ред.)

⁹³ Ж. М. Н. Пр. 1846 г. декабр. стр. 208. (Прим. авт.)

⁹⁴ При этом забыто значение нечистой силы, как губительной всякому оплодотворению; помнили только нецеломудренный характер языческих празднеств. (Прим. авт.)

вали и песен, и музыки, и плясок, которыми сопровождалась и все другие богослужебные обряды; так, например, обряд опахивания. В глубокой древности у народа грубого музыкальные инструменты могли быть самые простые, несовершенные, и даже вместо них употреблялись сковороды и заслонки, в которые били и звонили. Мы имеем предания о песнях и плясках ведьм на Лысой горе. Здесь они пляшут *вокруг чертова требища* (т. е. вокруг жертвенника), *с неистовым торжеством* и совершая разные таинственные обряды⁹⁵. Пляска – обыкновенное и любимое занятие ведьм. Если в летнее время поселяне заметят на лугах зеленые или желтые круги, появляющиеся вследствие естественных физических влияний, то они заключают, что хозяин этого поля, если он *старик*, сам *поверстался в колдуны на этих кругах* или *старшая* женщина в его семье *покумилась с ведьмами, которые собираются на эти круги плясать каждую ночь*⁹⁶. Стало быть, ведьмы и колдуны плясали в кругу или водили *хоровод (коло)*. Круговая линия была священная, через которую не могла переступить нечистая сила⁹⁷. Принося жертвы на острове св. Григория, русы проводили стрелами круг;

⁹⁵ Снегирева Рус. простон. праздн. ч. 3 стр. 86, ч. 4 стр. 34. (Прим. авт.)

⁹⁶ Сахар. Сказ. рус. нар. т. I стр. 58. (Прим. авт.)

⁹⁷ При опахивании и заклятии гад проводит круг; желая добыть папоротник, надо оградить себя кругом от нечистой силы (Пасека: Очер. Рос. ч. 1. стр. 106–7). *Коло* – у сербов хоровод, у Нестора – *колесо*, у малороссиян – предлог около. Слово *blido* (блюдо) – стол, по скн. *bīodr* – круг, тарелка, чаша, употребляется и в значении олтаря (Бусл. О влиян. хр. на слав. яз. стр. 113). (Прим. авт.)

жертвенные хлебы приготавливались круглые⁹⁸; ведьмы плясали *вокруг* требища. Круг – образ небесных светил и символ солнечного оборота. Покумиться с ведьмами⁹⁹ значит то же, что поверстаться с колдунами, т. е. сделаться ведьмой или колдуном, приняв на себя их таинственное звание. Такое вступление в колдуны и ведьмы совершается при религиозных круговых плясках ведунов и ведьм: указание на то, что постепенно из этих вещей лиц могло образоваться и образовалось бы сословие жреческое.

Г-н Сахаров напечатал четыре песни, приписываемые ведьмам: одну они поют *при полете на Лысую гору*, другую – *на самой Лысой горе*, две – *на шабаше*, из них одну – *на роковом (?) шабаше*. Об этих песнях существует такое поверье, что *они известны только одним ведьмам и знахарям*¹⁰⁰. Песня, которую поют на роковом шабаше, может *обогащать того, кто ее пропоет*; а слово «абракадабра», наполняющее собой одну из ведовских песен, имеет силу *исцелять* от лихорадки (прогонять эту болезнь)¹⁰¹. Отправляясь на игрища и при самом их совершении, ведьмы пели таинственные песни, силой которых ниспосылалось на человека здоровье и богатство. Песни, подобно заговорам, представляли в язычестве

⁹⁸ De admin, imper. ч. III. стр. 39. (Прим. авт.)

⁹⁹ Вспомним обряд кумовства, совершаемый на Семик и Троицу. (Прим. авт.)

¹⁰⁰ Одна песня была открыта девушкой, которая была ведьмой, но после оставила это состояние. (Прим. авт.)

¹⁰¹ Сахар. Сказ. рус. нар. т. 1. стр. 46–47. (Прим. авт.)

моления и потому получили чудесное свойство вызывать божества к дарованию всяких благ. К сожалению, язык этих ве-
довских песен непонятен¹⁰²; между прочим, в них часто слы-
шатся звуки: «аа! уу! оо! ее! згинь! мяу!». Подобные восклицания раздаются и при совершении обряда опахивания. Что песни эти понятны и знакомы только колдунам и ведьмам, это поверье знаменательно. Знахарям главным образом известны и заговоры, и шептанья, составляющие их *тайну*¹⁰³. Они хранят старинные мольбы и заклинания. Ведьмы даже имеют свой таинственный счет¹⁰⁴.

Травы в язычестве, вместе с корнями и цветами, пользовались особенным уважением; им приписывалась целебная и чудодейственная сила, а потому они были необходимы при религиозных очищениях и врачеваниях; венками гадали. Травы и цветы – символ весны и лета, знак юности и полноты жизни. Такое значение трав и цветов родило религиозный обряд их собирания; обряд этот в языческую эпоху принадлежал к числу богослужебных. По народным поверьям, в травах скрывается таинственная сила, ведомая только чародеям; травы и цветы могут говорить, но понимать их умеют только знахари, которым они открывают, к чему бывают по-

¹⁰² Неужели звуки этих песен ничего более не представляют, как смесь странных, непонятных слов? (*Прим. авт.*)

¹⁰³ Малор. и червонорус. нар. думы и песни стр. 100. (*Прим. авт.*)

¹⁰⁴ Иллюстр. т. 1. стр. 415. (статья Даля). (*Прим. авт.*)

лезны, т. е. против каких болезней должно их употреблять¹⁰⁵. Колдуны и ведьмы собирают травы и потом употребляют их для врачеваний, отогнания нечистой силы, открытия кладов, совершения чар, отвращения бед и даже для предвещаний. Ведьма по ночам варит в горшке таинственные снадобья и зелья, и *когда они кипят* – сама уносится в трубу. Для совершения чар ведьме необходимы: *шалфей, рута и терлич*; последняя трава обладает силой *превращений*. Трава *прикрыши* употребляется знахарями на свадьбах, для охранения молодых; *плакун* и *папоротник* смиряют нечистую силу; последняя трава служит также для добывания кладов; *сон-трава*, положенная под подушку, посылает *вещий* сон, предсказывающий будущее; все эти травы собираются и хранятся колдунами и ведьмами с большой таинственностью. *Трава-одо-лень* одолевает всякое зло и всякую чару; в одном заговоре рассказывается, что эту траву поливают *девки простоволосые, бабы самокручки*, т. е. ведьмы. О простоволосии мы уже сделали замечание выше; «самокручки» – слово, которое объясняется из обряда *хлебного закрута*, о чем скажем в своем месте. В заговорах делаются заклятия против старухи (бабы) – ведуньи и девки простоволосые¹⁰⁶. Главное время собраний чародейных и таинственных трав был и есть купальский праздник, когда растительность достигает полно-

¹⁰⁵ Сахар. Сказ. рус. нар. т. 1. стр. 42. Москвит. 1846 г. № 11 и 12. стр. 153 (Об украин. предан.). (Прим. авт.)

¹⁰⁶ Сахар. Сказ. рус. нар. т. 1. стр. 42–44; 18–20 (загов.). (Прим. авт.)

го своего развития, когда папоротник расцветает *огненным* цветом, когда сила жизни, юности, здоровья вполне переходит в травы и цветы. В ивановскую *ночь*, в которую совершались самые торжественные языческие игрища, ведьмы собирают чудесные травы *на Лысой горе*; в то же время и на той же горе знахари срывают траву терлич¹⁰⁷. В Петрозаводском уезде существует поверье, что в Ивановскую ночь ведьмы прилетают из Киева на один остров *Иванцов*

¹⁰⁷ *ibid.* стр. 43. Рус прост. праздн. Снегирева ч. 1. стр. 73. (Прим. авт.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.